

Ж. В. Кормина

РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

(при проводах в армию)¹

*Родительское благословенье
на воде не тонет и в огне не горит.*

Из интервью

Материалом для настоящей статьи послужили тексты интервью, записанные в ходе работы фольклорно-этнографической экспедиции ЕУСПб на Северо-Западе России в 1997–1999 годах. В опросник, по которому работали участники экспедиции, был включен блок вопросов, касающихся обряда проводов на армейскую службу. В результате был собран достаточно представительный корпус текстов, записанных от 51 информанта. Среди них было 34 женщины и 17 мужчин 1900–1950 годов рождения. Большинство опрошенных родилось между 1925 и 1935 годами (10 мужчин и 24 женщины)².

Во многих случаях наших респондентов удивлял интерес исследователей к проводам на армейскую службу: в общем контексте беседы, ориентированной в первую очередь на рассказы о праздничной культуре и о таких ярких явлениях повседневной деревенской жизни, как, например, колдовство, сюжет проводов в армию представлялся им не заслуживающим внимания, слишком обыденным. Для них это просто эпизод из частной жизни, не имеющий отношения к традиции³.

В зафиксированных нами рассказах о ритуале проводов на службу выделяется несколько ключевых сюжетов: благословение, заговаривание от тоски, изготовление специального ритуального предмета — «памяти» по рекруту и т. п. Некоторые из них имеют локальное распространение и характеризуют специфику рекрутской обрядности в отдельном регионе⁴. Однако независимо от конкретной конфигурации обряда его необходимой структурной составляющей является *благословение*⁵.

Описания ритуала благословения по этнографическим источникам и полевым записям крайне разнообразны. В церковной литературе также не дается каких-либо четких указаний по поводу того, каким образом он

должен проходить. Отмечается, во-первых, неопределенность понятия благословения, объясняемая отчасти тем, что по-русски это слово обозначает и результат акта, и его совершение (в греческом языке это были два разных термина), и, во-вторых, сосуществование разных его форм, то есть, в сущности, отсутствие устойчивого канона. Ритуал благословения описывается через его смысл: как «благоволение, которое нисходит от Бога непосредственно или через родителей, иерархию и пр.» (Аверинцев 1993: 266–267).

В крестьянской культуре благословение связано с прощанием⁶. Вообще говоря, благословляли при любых проходах в дорогу, от ритуальных (например, благословение жениха и невесты перед отправлением в церковь для венчания) до вполне обыденных. Благословляли и при отправлении на заработки или на учебу⁷, и просто при выходе из дома, что свидетельствует о понимании любого пути как опасного. По мере уменьшения значимости и опасности отправления в дорогу убывает степень регламентированности ситуации отправления. Так, в повседневных ситуациях уменьшается потребность в особой персоне, дающей благословение, и этот ритуал редуцируется до своеобразного самоблагословения⁸.

Проводы в армию предстают в описаниях наших информантов в первую очередь как развернутый ритуал прощания, в драматургии которого благословение является кульминационной точкой: этот акт понимается как самый напряженный момент всего действия — момент коммуникации с сакральным. От того, насколько правильно и гладко он пройдет, может зависеть его успешность и, соответственно, судьба уходящего. Конечно, «успешность» благословения выясняется задним числом, так же как правильность экзегезы сновидения и т. п. Результатом этого акта, позволяющим судить о его успешности, является возвращение (или невозвращение) благословляемого домой.

[Информантка и два ее брата были на фронте.]

Соб. *[Давали благословенье, когда провозжали на войну?]*

Инф. *Давали, да. Мама мне с собой давала крестик. Я до сих пор сейчас вот ношу. Крестик. И брату. <...> Я пошла, она мне благословила. Крестик дала. Брату. Второму. А один брат, тот, и говорит — с двадцать четвертого года, мальчишка, пошли на войну-то тожо. Он говорит... А мама дала... там иконку. Он попросил другую. Она говорит: «Да возьми эту иконку». А надо, котору он просил, какую-то иконку. А мама говорит: «Возьми эту иконку». Он не вернулся. А вот мы с братом вернулись.*

(ЕУ–хвойн–98; 32; ЕТГ)⁹

Мать, во-первых, дает младшему сыну иконку, тогда как двум другим своим детям — крестики, и уже этим его личная ситуация благословения отличается от двух других, оказавшихся удачными; во-вторых, он хочет взять не тот предмет, который дает ему мать. Причина неуспеш-

ности благословения в случае с младшим сыном, видимо, состоит в том, что тот вообще проявил свою волю, нарушив тем самым некие правила: обычно активная роль в этом обряде принадлежит благословляющему, то есть в нашем случае — матери.

С точки зрения теории речевых актов акт благословения является перформативом, то есть речевым актом, произведенным в рамках общепринятой «конвенциональной процедуры» (ритуала), приводящей к определенному «конвенциональному результату». Таким результатом в случае благословения должна быть защита уходящего, создание для него «апотропейного фона»¹⁰. В случае с младшим братом благословение не оказалось успешным (он не вернулся с войны), так как был нарушен правильный ход ритуала.

Необходимо заметить, что вербальная часть этого обряда не является формульной. На вопрос о том, как благословляли, отвечают: «С Богом, да и все» или вообще не произносят собственно текст благословения. Более того, в качестве благословения может выступать проклятие; однако соблюдение «конвенциональной процедуры» приводит к тому же ожидаемому от благословения результату¹¹.

Соб.: *А вот как их благословляли?*

Инф.: *Благословляли. Конечно, верующие люди — иконкам. Брала иконку и благословляли.*

Соб.: *А давали с собой что-нибудь?*

Инф.: *Да. Зашивали в кармашке там, и молитву каку или иконочку. Ну это опять же если желает, вот, и верующие люди то делают. <...>*

Соб.: *А вот какую иконку обычно в одежду зашивали, когда в армию отправляли?*

Инф.: *Ну, это, или... Мать Божью, чтобы сохранила; святого угодника Николая. Ну, или, там, какому святому вот родители молятся. Скажут: «Вот, сынок». Или святому — вот какого звать, вот, скажем, Василий, так святого Василия там или что, чтобы сохранил тебе. <...> Или молитву каку-то.*

Соб.: *А какую молитву?*

Инф.: *Ну, вот Мать Божью, Богородицу или Господу там... Специально есь вот такие молитвы, что... сохранил бы и в путях, и в делах, и в службы, и... там от пули... Это одна бабуля рассказывала. Вот белая война была. Говорит: «Все люди голосят по мужьям, по детям... А я своем[у] Гришеньке — пошел он, — помахала и говорю: “Чтоб тебе, Гришенька, да перва пуля бы тебе и в лоб попала!”». Всех, говорит, убили; мой Гришенька, как медна копейка, явился домой [смеется].*

(ЕУ—сланц—98; 28; ЧЛД).

В рассказе, прозвучавшем в конце беседы, указывается на то, что провожающая нарушает ход ритуала прощания. Кроме того, что она не причитает по уходящему на войну мужу, как это делают все другие женщины («Все голосят по мужьям, по детям»), она поступает пара-

доксальным образом: вместо пожелания вернуться она желает ему погибнуть («Чтоб тебе, Гришенька, да перва пуля бы тебе и в лоб попала!»). Вероятно, это «злое пожелание» следует расценивать как способ обмануть судьбу. Здесь используется механизм инвертированного благопожелания, работающий, в частности, также в ситуациях, чреватых опасностью сглаза. По логике рассказчицы, Гришенька вернулся с войны — единственный из всех — потому, что его проводили не так, как этих «всех».

В другом рассказе произнесение той же формулы проклятья приводит к обратному результату: «Ой, провожали-то! [рекрутов]. Еще катались. Зимой, дак на конях катались. Там сегодня катаются на моей лошади, завтра — на твоей.

А першинский-то парень, Трошкой звали... Я небольшая была, а помню его хорошо. Вот этот парень катался на своей лошади. Лошадь-то спотела. Спарил. Ой, не дай-то Господи. Мать-то вышла да и заругалась на його, что всю спарил лошадь: “Чтоб съехал бы в армию, да первой пулей тебе в лоб”. Милая моя, парень-то уехал — ни письма, ни грамотки. Видно, сразу и убили. Она на улицу вышла: “Кыркун тебе, чтобы первая пуля в лоб”. Парень-то и не приехал. Даже и похоронной не было никакой. Куды как пропал. Мать этак сказала, да еще на улице. Лошадь пожалела, а сына не пожалела»¹².

Рассказы о Гришеньке и о Трошке различаются тем, что в последнем формула «чтобы первая пуля в лоб» произносится в иной ситуации и по другому поводу. Этот рассказ строится по типу нарративов о так называемых *прокленутых* детях¹³: мать сгоряча ругает своего сына за провинность, произнося проклятье на улице; в результате он пропадает¹⁴. Ритуальный контекст, в котором происходит речевой акт, оказывается определяющим для его результата.

Здесь следует отметить, что проклятье и благословение не являются симметричными ситуациями. Зачином рассказов о «прокленутых» выступает *произнесенное* проклятье, которое, по-видимому, следует расценивать как реплику в диалоге с «чужим», с «лесом» (в ответ на это проклятый пропадает, его забирает это «чужое»)¹⁵. Главным в этой ситуации оказывается вербальный компонент: как отмечает А. Н. Кушкова (Кушкова [рукопись]), проклинаящий может проклясть случайно, против своей воли (более того, в подобных рассказах так и происходит), сказав *худое слово*; таким образом, условие намерения, существенное для прагматики речевых актов, в этом случае не выполняется. Существенная разница между нарративами о благословении и о проклятии состоит, видимо, в том, что если первые описывают некоторую программу поведения в определенной ситуации (ритуала), то последние являются рассказами о каких-то «случаях», рассказами со своей специфической композицией, риторическими ходами и т. п.

Приведенные выше фрагменты интервью касались обряда прощания при проводах на войну. В мирное время, то есть собственно в рекрутском обряде, началом которого следует считать переход молодого человека в особый статус «призывника», или «некрута», что происходит за две-три недели до призыва¹⁶, а окончанием — проводы, благословение происходит несколько раз: родители благословляют перед жеребьевкой (в современной ситуации — перед прохождением медицинской комиссии) и во время прощального застолья накануне отъезда; священник благословляет новобранцев (всех одновременно) перед их отправлением на службу¹⁷. Вот описание священником этого действия: «Накануне... выхода в 10 ч. утра церковь своим громогласным колоколом призывает новобранцев и их родных и знакомых выслушать “напутственный” молебен и получить благословение. <...> на память и в благословение новобранцев я раздаю, при прощании с ними, иконы малого размера и брошюры или листки религиозного содержания» (Нигровский 1890: 493).

Приведу рассказ о благословении священником, записанный во время полевых исследований в Сланцевском районе Ленинградской области (бывший Гдовский уезд Петербургской губернии) и относящийся приблизительно к концу 1920-х годов.

Соб. *А вот когда, например, уходили в армию, провожали...*

Инф. *Провожали. Ой, провожали. С песням, с гармоньей провожали. Тожо так же¹⁸ утром вся молодежь собирается в посленне утро. <...> А потом оне это... тогда еще Богу-то веровали молодежь... Ну когда... сюда на Осьмино провожали — наш район был Осьминской тогда. Ну заходили в церкав вот... эти, которые идут в армию, заходили в церкав за батюшкиным благословленьем. Чтобы хорошо отслужить. Когда... в церкав приходят, батюшка уже их принимает в церквы. Принимает, открывает, говорили — я-то... мне не приходилось, это, до меня постарше ребята... ходили... Это называется в церквы вот... райски двери. <...> Ну вот, где батюшка в алтарь входит[т], это называется райски двери. Вот. Тогда уже, когда эти парни приходят, которые у нас, батюшка открывает эти райски двери и благословляет их. Чтоб служить хорошо. Вот так.*

(ЕУ—сланц—98; 8; ГПИ)

Кроме священника из официальных лиц мог благословлять местный представитель власти — сельский староста: «В день отправки староста приглашает “гожих” в общественную избу и там угощает их. После угощения все выходят из избы и староста выносит “общественную” икону и становится с нею на крыльцо. Новобранцы начинают по очереди подходить к старосте, кладут по три земных поклона, крестятся и прикладываются к иконе; затем целуют самого старосту и получают от него по рублю общественных денег на гулянье в городе» (Чарушин 1909: 150–151)¹⁹.

При прощании односельчан с уходящим в армию парнем также было принято давать ему деньги²⁰. В некоторых случаях этот обычай и считается благословением.

Соб. *А мать-то вас провожала в армию?*

Инф. *Мать? У меня матери не было. Меня провожала бабушка и дедушка.*

Соб. *Бабушка вам давала что-нибудь с собой?.. Ну, чтоб все хорошо было, чтоб домой вернулись.*

Инф. *Раньше нам давали... Я иду по деревне — я, например, с краю живу, и до этого (до другого края. — Ж. К.) ... и каждый дает 2–3 рубля. Это было.*

Соб. *Каждая кто? Хозяйка?*

Инф. *Каждый [из каждого дома]. Это в Мякишеве было, не здесь.*

Соб. *Каждый выходил и давал деньги?*

Инф. *Да, да.*

(ЕУ—хвойн—99; 23; МГВ)

Существует, однако, представление о родительском благословении как о специфическом обрядовом действе с четким распределением ритуальных ролей, локальной и временной приуроченностью и т. д.

Вообще, морфология обряда, очевидно, определяется несколькими параметрами: во-первых, смыслом обряда, во-вторых, спецификой локальной конфигурации культуры и, в-третьих, социально-историческим контекстом, в котором происходит обрядовое действие; при этом под смыслом обряда предлагается понимать его содержание (что происходит: похороны, тушение пожара, излечение от болезни и т. д.), а термин «конфигурация культуры» означает набор предпочитаемых в данной локальной традиции ритуальных практик²¹. Наконец, конкретная культурная форма — фольклорный текст, или обряд, или какая-то вещь — является памятником своего времени, и в ее интерпретации необходимо учитывать социально-исторический контекст; в определенном смысле такая интерпретация и является интерпретацией конкретной исторической ситуации — «эпохи» (Geertz 1993: 21). Так, рассматривая обряд проводов в армию, мы неизбежно касаемся вопросов экономической ситуации в деревне, политики государства в отношении крестьян, пропаганды, направленной на формирование идентичности (национальной и конфессиональной) и т. д.

Содержательные (что происходит) и формальные (каким образом это представлено) характеристики обряда проводов в армию в начале века, в послевоенный период и в 1990-е годы различаются. Если в конце XIX—начале XX века уход в армию воспринимался как «социальная смерть» и в ритуале проводов доминировали элементы похоронной обрядности, то позднее служба в армии начинает осмысляться в терминах инициационных практик, то есть ряда событий, в результате прохождения которых юноша становится «социально взрослым». В этом варианте проводов цитация из похоронной обрядности уходит на второй

план, уступая место заимствованиям из практик молодежных гуляний. Эти различия объясняются изменением отношения к армейской службе, которое, в свою очередь, является частным случаем отношений между гражданином и государством и напрямую связано с конкретным социально-историческим контекстом²².

Трансформацию всего обрядового комплекса можно наблюдать даже на примере одного структурного элемента обряда. Родительское благословение в обряде проводов в армию, по рассказам наших респондентов, выступает как ритуал, исполняемый матерью. По данным Тенишевского архива, относящимся к 1897–1902 годам, равно как и по опубликованным этнографическим описаниям рекрутского обряда, благословляли как мать, так и отец (и, кроме того, крестные родители): «По выходе из-за стола... начинается обряд благословения. <...> Перед иконой в переднем углу зажигают свечу, стол отнимается на это время прочь, и на пол постилают шубу или какое-либо другое “платно”, рекрута приглашают встать на это “платно” и наклонить голову, в это время отец, если он есть, а то старший член семьи берет с божницы икону с зажженной свечою и над головой благословляемого обводит иконою трижды, ведя иконою против солнца. После... так же благословляет мать, потом крестный отец и крестная мать» (ТА: 694²³; Белозерский уезд Новгородской губернии)²⁴.

Во время полевых исследований в том же регионе нами зафиксированы похожие описания, в которых, в отличие от приведенного выше текста, главным действующим лицом является мать, а фигура отца практически исчезает.

Соб. *А благословение мать давала?*

Инф. *Бывало. Какая мать не знала, дак не давала. Другие матери ниче... Как я видела — я только свое говорю, чужого я ниче не знаю — вот у нас на войну старшего брата-то, он двадцать четвертого года, дак его в сорок третьем году взяли. Вот мама провожала, дак. Ну, все провожали, всей деревней. Шубу напину развернула, кверху этим... мехом, поставила его на шубу, и вот с иконкой; че-то говорила, не знаю, че говорила, кругом него; и потом давала ему поцеловать, сама целовала. Вот это видела я²⁵.*

Можно предположить, что в этой семье не было отца или «старшего члена семьи» — мужчины, и поэтому благословляла мать (тем более что дело происходит в середине войны). Однако, видимо, это было бы упрощением ситуации. Действие рассказа, приведенного ниже, относится к мирному времени, началу 1910-х годов:

Соб. *[Благословляли, когда провожали в армию?]²⁶*

Инф. *А как же. Благословляли. За стол, с иконкой. Стоит мать... у этого солдата мать и отец, значит, живы. Вот, например, вот моего брата, значит, только что вот это его везли в волость, что назначили; вот, в армию назначили, в волость ему надо было иттить. И то, значит, тогда встала за стол, благословляла, что был дедушка и бабушка. И вот она очень — у них*

был это первый внук. <...> Умоих родителей первый сын. И вот она так его любила, что она лучше — дедушка и бабушка — лучше родителей его жалели. Вот ему, значит, когда он, значит, шел в волость приниматься, тогда его благословляли. И вот бабушка — вот тоже вот... А он [в]от с одной деушкой. Вот, а он, когда был холостой, с одной деушкой, значит, гулял, очень крепко. А когда бабушка его благословляла, и вот само-то собой — а потом она рассказала мамы — ну вот. Само-то собой, в душе-то благословляла, а само собой, души-то сказала: «Если (а девушку звали Анисьей), если с Анисьей Ванино счастье, то Ваня останется [в] большом жереб[е]». И правильно — вот ему большой жереб и остался. И [в]от, значит, она все говорила, что Ванюшка у нас счастливый. И все говорила, что, Ванюшка, женись, значит, на этой девушке...

(ЕУ—сланц—98; 21; БАК)

Рассказчица определенно относит благословение к женскому ролевому репертуару. Рассказ выглядит сбивчивым — вероятно, потому, что об этом рассказывают впервые, — но из него ясно, что брата рассказчицы благословляла бабушка (потому что больше всех его любила, то есть была самой близкой старшей родственницей), хотя должна была это делать его мать. Существенно, что, хотя в рассказе фигурируют мужчины — отец и дед — об их участии собственно в обряде не упоминается. Однако письменные свидетельства этого времени дают иную картину: «... отец или старший член семьи берет с божицы икону с зажженной свечою и трижды поводит ею против солнца над головою благословляемого, знаменуя после каждого обвода крест и произнося: “Господи, благослови, сохрани и помилуй раба Божия (такого-то)”. Затем новобранец кладет земной поклон. Вслед за отцом также благословляет сына мать, потом крестный отец и крестная мать» (Чарушин 1909: 151). Свидетельством тому, что участие отца в обряде благословения представлялось обязательным, служат два момента. Первый. Упоминание о возможности его замены «старшим членом семьи» указывает на то, что «отец» в этой ситуации — это ритуальная роль, которая — в том случае, если отца нет, — может и должна быть исполнена кем-то другим. Второй. Участием в обряде крестных родителей, которые являются своеобразными «дублерами» родителей биологических, педалируется идея о том, что благословлять должна «пара» — отец и мать.

В пользу того, что благословение давалось обоими родителями, также говорит такой специфический источник, как письма солдатам от родных²⁷. Значительную часть содержания таких писем составляли формульные упоминания родных и знакомых солдата — «приветы». Показательно, что «формулы» родителей отличаются от всех остальных, в том числе жены и детей (привожу отрывок из письма с сохранением авторской орфографии): «14 января 1 дня пишу письмо дорогому и возлюбленному брату павлу митрофановичу впервых строках моего писмса (письма. — Ж. К.) спешу уведомить вас дорогой брат павел митрофано-

вич еще кланеца вам мамоника катерина карповна и посылает вам свое родительское благословени которое может существовать [существовать] и от ныне и до веку еще кланеца тятеника митроф[ан] архипович и посылает вам свое родительское благослове[ние] которое может существовать от ныне и до веку Еще кланеце вам брат Поликарп Митрофанович и посылает и посылает вам свое низяющ [нижайшее] почтение и слюбовию niskи поклон еще кланеца вам супруга авдотия прокоф прокофевна и посылает вам свое низяюще почтение и слюбовию niskи поклон...»²⁸ (АРГО²⁹: фонд 85; оп. 1, л. 18)

От родителей в письме посылается «позаошное», то есть заочное благословение, «которое может существовать до веку» или, как сказано в другом письме, «которое может существовать на всю царскую службу» (АРГО: фонд 85; оп. 1, л. 71).

Таким образом, согласно источникам начала века, роль благословляющего выполняется и отцом и матерью³⁰. Что касается приведенного выше рассказа о «женском» благословении, который противоречит всем другим данным того же времени, его специфичность можно объяснить по-разному. Можно предположить, что информантка «увидела» событие из своей биографии — проводы брата в армию — сквозь культурные установки, приобретенные ею позднее, когда благословение стало совершаться матерью. Другое объяснение (оно кажется мне более убедительным) связано с проблемой критики источников. Дело в том, что письменные источники и материалы устных опросов представляют собой, если использовать термин К. Гирца, разные уровни интерпретации; первые более формализованы и, в определенном смысле, менее достоверны, чем вторые [Geertz 1993: 15]³¹. Вопрос, какую позицию занять (верить устным рассказам и не доверять письменным источникам или наоборот), зависит только от выбора исследователя.

Однако такого рода проблемы могут быть разрешены, если включить в область рассмотрения и другие характеристики обряда. В нашем случае такой существенной характеристикой является его приватность vs публичность. Рассмотрение культуры с точки зрения соотношения и распределения в ней приватного и публичного представляется одним из важных принципов анализа культурных практик, который дает эвристическую перспективу для изучения специфики того или иного варианта культуры. Не имея возможности в рамках настоящей работы остановиться на этом подробнее, отмечу, что для прояснения функциональной направленности тех или иных обрядовых действий важно учитывать, происходит ли ритуал (или ритуализированное действие) тайно или, наоборот, в присутствии множества людей.

Мы можем констатировать — здесь письменные источники и данные полевых исследований не противоречат друг другу, — что если в начале века благословение происходило в присутствии всех про-

вожающих (в идеале — всей деревни), то с середины века этот ритуал переходит в разряд приватных, тайных.

Соб. *А вот как в армию провожали? Делали что-нибудь, чтобы он вернулся, чтобы у него все хорошо было?*

Инф. *Дак а вот, только если иконку давали да вот таки молитовки, иконки.*

Соб. *А что за молитовки?*

Инф. *А молитвы не знаю. Я не провожала никого.*

Соб. *А кто давал?*

Инф. *Так мать обычно. <...> [В]от собирают всех друзей. Всех друзей, соседей собирают на проводы обязательно. А уж там мать тихонько все это делает. Не в присутствии людей.*

(ЕУ–хвойн–99; 14; СВФ)

Информантка не знает, какие именно «молитовки» дают тем, кто уходит служить, потому что сама она «не провожала никого». Следовательно, этот ритуал известен или тем, кто в нем участвовал, или местным «знатокам» традиции, «старухам», к которым обращаются за консультацией в случае надобности. Такие ритуальные специалисты могли сами давать благословение (видимо, в том случае, когда компетенция матери в знании традиции представляется недостаточной)³². Это может быть пастух, или бабушка-богомолка, или местная колдунья — носители тайного знания.

Соб. *А давали что-нибудь с собой, чтобы вернуться?*

Инф. *Мать дает какое благословение. А так больше что дашь?*

Соб. *А как это — благословение?*

Инф. *Да как... служи лучше, да храни Бог, да...*

Соб. *То есть на словах давали, да?*

Инф. *Да.*

Соб. *А молитвы никакой с собой не давали?*

Инф. *Моим ребятишкам... Вовку отправляли... Был у нас тоже вот пастух, так он Вовку че-то моему дал: «Ты храни, храни, пока служишь». <...>*

Соб. *И вам не сказал?*

Инф. *Нет. Он мне не показал... Да храни тебя Бог. <...> Ведь это нельзя рассказывать.*

Соб. *А почему нельзя?*

Инф. *Да так...*

(ЕУ–хвойн–98; 24; БЕИ)

В этом рассказе благословение разделяется на две части — словесную и вещественную. Мать произносит определенный текст (который, видимо, не является устойчивой формулой), а пастух тайком дает ее сыну «че-то», о чем нельзя рассказывать и что нельзя никому показать. Контакт с ритуальным специалистом, как видно из приведенного отрывка интервью, происходит один на один, без посто-

ронних, так же как, например, при получении пастушеского обхода или при лечении³³.

Любопытно, что в настоящее время молодые люди по собственному почину (или по чьему-либо совету) нередко обращаются к таким специалистам³⁴. Например, в поселке Хвойная Новгородской области перед уходом в армию сейчас считается необходимым сходить к местной «колдунье».

Соб. *А вот мы слышали, что вот есть такое, что вот матери благословляют своего сына.*

Инф. *Да, бывает.*

Соб. *А что это значит?*

Инф. *Ну тоже, наверно, чтоб все было хорошо. Я вообще слышал, что тут — ну как, не слышал... У меня друг уходил в армию, тут одна бабушка есть... я не знаю, как называется... она так одна живет. Колдунья, что ли, ее называют? Ну вот к ней ходят тоже... призывники. (нрзб) мой друг ходил к ней. Я не знаю, что она ему говорила, что она делала... Чтобы тоже у него все было хорошо. Чтоб... никуда не забрали, не убили и так далее.*

Соб. *Он просто сам к ней один пошел, без мамы, да?*

Инф. *Да, один. Как — ему сказали, чтобы он сходил. Пошел, сходил. <...> Уже перед тем, как пойти в армию.*

(ЕУ–хвойн–99; 103; В33)

Однако наиболее типичной ситуацией была такая, когда благословение давала мать. При этом обряд благословения мог принимать различные формы.

Соб. *А родители как-нибудь благословляли, вот когда парень в армию уходит?*

Инф. 1. *А как же! Что ты, сынок! Неужель не! У меня пошел Сереженька, дак я его перекрестила. Сынок. И... и потом... Как я ему сказала? Только — я ему говорю — дай Бог... отведи Бог от напрасной смертушки тебя. Спаси Господь! Вот так скажешь. Витьке и все и... Спас Бог, ничего, ни онного...*

Соб. *А что-нибудь с собой давали, чтобы вернулся?*

Инф. 1. *Ничого мы не давали. Ничого я не знаю, как други... Вон Дашка провожала своего Кольку. Ты как его благословила?*

Инф. 2. *А... сто рублей дала... раньше вот... серебре... серя... ну, серебрену эту... копейку... десять рублей... тогда... у меня дано.*

Инф. 1. *А! Я ничего не давала.*

Инф. 2. *И два го... два года он держал у себя, приехал с этими деньгам опять обратно.*

(ЕУ–хвойн–99; 32; ТАА — Инф. 1, МДО — Инф. 2)

Из приведенного отрывка интервью с двумя жительницами Новгородской области видно, что каждая из них по-своему представляет себе, что нужно делать, когда провожаешь в армию сына: первая благословила своего сына словом, а вторая — предметом (монетой), который он носил

при себе весь срок службы. При этом ни один из вариантов не выступает в качестве «неправильного»; это указывает на то, что в крестьянской среде сосуществуют разные представления о форме благословения. Часто говорят, что благословение — это прежде всего «слово», особое напутствие, произнесенное при прощании, вместе с определенным действием: уходящий целует икону, которой его благословляют, и/или мать осеняет его крестным знаменем или перекрещивает этой самой иконой: «Благословляла сыновей в армию. На коленочки встали, поцеловали икону — оне хоть некрещеные. Я — так слово давала: “Береги, сынок, сам себе, берегись господа Бога, тебя Бог будет спасать”. Я спасала его сама своим молитвам» (Полевой дневник автора 1997: ЁАА).

В то же время, в благословении часто видят обряд, в ходе которого уходящему передаются определенные предметы. Собственно, многие носители культуры называют *благословением* именно подаренные им в момент прощания вещи. Обычно уходящий в армию получает предмет, обладающий высоким сакральным статусом, в частности икону (о семиотическом статусе вещей см.: Байбурин 1981). Надо заметить, что в церковной литературе рекомендовался именно такой способ благословения: «добрые православные родители, благословляя любящим сердцем детей своих, имеют святой обычай при этом вручать и видимый знак своего и Божьего благоволения — св. икону Спасителя, Божьей Матери или какого-либо угодника Божия» (Беседы 1888: 6). Однако в реальности набор предметов мог быть самым неожиданным. Один из наших информантов, служивший в 1950-е годы, получил от матери в качестве благословения иконку, монету и гриб чагу.

Соб. *А вот что-нибудь им давали, когда провожали в армию?*

Инф. *Как?*

Соб. *Что-нибудь давали — амулеты, кулоны?..*

Инф. *Ну вот, я когда уходил... мне мать дала. Спаситель Николай Угодник. Икона. Нагрудный кулон. Затем — пятьдесят копеек серебряных. Чисто серебряных. Это — двадцать четвертого года. И потом... от березы щас это... теперь его на лечение берут... на чай... вот такая... подобие такая... завернута, защита была...*

Соб. *Нарост такой?*

Инф. *Да, нарост. Березы. И это, говорит, родительское благословение. Так я вот после армии пришел... Так вот у меня внуки где-то ее... Она все время носил вот здесь в кармашке такие... ну здесь... пистоны. В кармашке³⁵.*

Соб. *Большой он был, нарост-то?*

Инф. *Нет, не большой. Кусочек там, кусочек от этого нароста... Коричневый.*

Соб. *Именно он назывался «родительское благословение» или все вместе?*

Инф. *Да... так вот это, вся эта тройка вот: пятьдесят копеек, кулон это... и кусочек вот этого... природы... как природы — это родительское благословение.*

(ЕУ—хвойн—99; 7; СВН)

В уже цитированной выше статье предполагалось, что икона, данная в момент благословения, становится «заветною святынею на всю жизнь; не расстаются они (дети. — Ж. К.) с нею никогда» (Беседы 1888: б). В приведенном фрагменте интервью благословение, полученное при проходах на службу, тоже понимается рассказчиком как данное ему на всю жизнь: он хранил полученный при благословении предмет по меньшей мере до тех пор, пока у него не появились внуки³⁶. Однако все три предмета — иконка, монета и «кусоч нароста» — для него равноценны, и по какой-то причине (скорее всего, просто случайно) у него сохранилась не иконка, а «кусоч природы».

Надо отметить, что большинство мужчин, рассказывавших нам о благословении, не знали, что именно давали им матери, провожая в армию. Приведу характерный пример:

Инф. *Мать мне благословение с собой дала. Чтобы остался жив и здоров. Сказала что-то и с собой дала. Мне было отдано — на шею вроде или где. Не знаю, что там было. Было завязано в узелке. Дала — носи, милый сын.*

Соб. *Сохранили до конца войны?*

Инф. *Да.*

(Полевой дневник автора 1997: ПИФ)

Свою значимость передаваемый объект получал за счет ситуации, в которой происходил акт его передачи. Вероятно, поэтому содержимое «узелка», полученного информантом от матери, провожавшей его на войну, его не интересовало. Такой предмет необходимо хранить, всегда держать его при себе, и в таком случае он выполнит свою функцию — функцию апотропея. Замечу, что в некоторых случаях сын вообще мог не знать, что ему что-то «отдано» матерью при прощании. Так, житель деревни Заделье Новгородской области узнал, что ему «у матки был крестик дан», когда его обыскивали перед тем, как за какую-то провинность отправить на гауптвахту: «Меня комбат на гауптвахту, дак и... кошелек-то стал проверять, а отобрал... этот крестик», который лежал в кошельке «завернутый в бумажку». Эта находка его отнюдь не обрадовала: «В то время... неудобно было, что ить... в комсомоле был и крестик... это... Кошелек такой порядочный был, я и не знал, что он там» (ЕУ—хвойн—99; 15; ИВЕ).

Предметы, призванные выполнять апотропейную функцию, могли зашивать в одежду также тайком от уходящего на службу.

Инф. *[благословляли ли его родители, не знает] Если только зашивали [благословенье], то одежи эти повыкидывали в экипаже в Ленинграде.*

Соб. *А вы думаете, что зашивали в одежду, да?*

Инф. *А я не знаю. Так вроде как... говорили.*

Соб. *А что говорили?*

Инф. *Ну, это, вроде как зашивают как копейки там, какую-то ерунду. <...> Мелочь там, копейки.*

Соб. *А кто вам говорил?*

Инф. *Да слышал разговор...*

(ЕУ–хвойн–99; 13; ПНВ)

Таким образом, знание благословляемого о том, что обряд совершен, равно как и необходимость хранить переданный при благословении предмет, расцениваются как необязательные.

Поскольку информант в приведенном интервью не знает, благословляли ли его родители, но допускает вероятность каких-то тайных манипуляций с его одеждой, можно предположить, что благословение могло быть лишено вербального выражения³⁷. Однако чаще всего вещный, акциональный и словесный способы благословения сочетаются.

Соб. *А как это благославляют боженькой (иконой. — Ж. К.)? Просто дают?*

Инф. *Да.*

Соб. *Или нужно что-то и говорить?*

Инф. *Да, благословляешь, перекрестишь. Тогда эть раньше были вот рубли-то железные. Рубль дашь как благословенье.*

(ЕУ–хвойн–99; 31; ИВН)

Любопытным случаем является использование одного и того же текста в устном и письменном виде, то есть в качестве вербального акта («слово») и в качестве апотропейного средства (в одном ряду с иконой, монетой и т. п.). Довольно часто молодому человеку в момент благословения дается некий письменный (печатный) текст; в некоторых случаях он также может быть озвучен.

Инф. *Ну, в армию провожали, дак благословишь. У меня сын уходил — благословили.*

Соб. *А как?*

Инф. *Икону взяла, он поцеловал это, и прочитала там молитву и ему благословение там в карман, «Живые помощи», молитва, положишь, и все.*

Соб. *Вы ему написали молитву?*

Инф. *Да, и положила в <нрзб> кармашек там. Храни хоть не храни, а родители это сделали. И проводишь ево до военкомата, там потом на поезд посадят, повезли куда... Теперь хоть вот выслают, что присягу, приезжай, буду принимать, а ведь раньше-то этово не было, туда не могли ездить.*

Соб. *А какую молитву [вы ему писали]?*

Инф. *«Живые помощи... Бога небесного водворится, речет Господи, Господь спаси и сохрани, и отнеси от тебя злых людей и врагов, и спасет тебя во всей своей пути и дороге. Благословись, и читай большие молитв, и соблюдай родительское слово».*

Соб. *И это же читали, да, у иконы?*

Инф. *Да, и такую бумажку пишешь.*

Соб. *А еще что-нибудь давали, вот монетку какую-нибудь?*

Инф. *Нет, этово ничево не было. Ну там... теперешные стали кресты брать, а раньше этово ведь не признавали, не брали ничево.*

(ЕУ–батецк–99; 32; СВИ)

В этом качестве могут использоваться как апокрифические (чаще всего «Сон Богородицы»), так и канонические тексты, например, как в приведенном случае, так называемые «Живые помощи» (90-й псалом)³⁸. Правда, текст этого псалма, точно так же как апокрифические тексты, мог включаться в письменные «народные молитвенники» (см. напр.: Шапов 1906: 53, 86), то есть быть частью «народного» молитвенного репертуара. Текст этого псалма использовался и в других ситуациях. Корреспондент журнала «Пастырский собеседник» отмечал, что «при отправлении в дальний путь списывают псалом *Живый в помощи...* и привязывают на шею ко кресту, чтобы съездить благополучно», причем «содержание псалма, очевидно, понимается в смысле заговора» (Н. Л-ов 1896: 474)³⁹.

В отличие от 90-го псалма, функции которого ограничивались достаточно строго (для пути, для войны), текст «Сна Богородицы» мог применяться для разных нужд. Жительница с. Устрека Новгородской области рассказала, что ее научили читать «Сон» от грозы:

Инф. 1. *Когда вот гроза, я читаю:*

*Шла Мать Пресвята Богородица
Из города Русалиму к городу Прекретиму.
Шла-приустила,
Легла-приуснула.
Снитцы ей сон,
Страшный сон:
Исуса Христа распинаит,
В ножки, в ручки гвоздя забиваит,
Кровью запекаит.
С неба звездочки на землю кидает,
На три клубочка собираит,
По добрым людям рассылаит.
Хто этот сон прочтет и запомнит,
Тот будет спасен, сохранен и помилован
От грозы, от молоньи,
От воды, от потопа,
От змея бегуча,
От гада ползуча,
От всех злых, лихих людей.
С нине до веку веков. Аминь.*

Инф. 2. *Это молитва, вишь, такая.*

Инф. 1. *Вот читаю я. Вот... И тише, тише... «Жаланый, утиши, Госп... Утиши, жаланый». Вот. Вот у меня как запомнено⁴⁰.*

Эта молитва может быть «списана на бумажку» и отдана тому, кто идет в армию (так же, как в случае с 90-м псалмом, который, судя по

всему, наша информантка выучила со слуха и записала по памяти). Так поступила свекровь рассказчицы (кстати, и научившая ее этой молитве), когда провожала на войну своего сына.

Соб. *Это вот вас родители научили так молиться?*

Инф. 1. *Свекровушка-маменька. Это у хозяйнова мать. Вот пошел хозяин... у ей сын на войну, вот она списала на бумажку, и он взял с собой. И боженьку от таку дала. Вот ен пять годов с половиной на финской и на этой (то есть Второй мировой. — Ж. К.) войны. И пришел домой. Господь его спас.*

Инф. 2. *Господь его спас.*

Соб. *Это она вот эту молитву написала ему?*

Инф. 1. *Да, да. Эту молитву.*

Соб. *И боженьку дала, да?*

Инф. 1. *Да, да. Эту молитву она написала, и он положил в карман. И так все у себя и носил. Жаланныи, без Бога ни на час. Есть Господь. Ен долго терпит, если хто человек... Он крепко даст. О.*

(ЕУ—хвойн—99; 34; МНВ — Инф. 1, ИНА — Инф. 2)

Такой текст давался солдату не для того, чтобы тот мог его прочесть в трудную минуту. Его лишь необходимо хранить и не терять, как, впрочем, и другие предметы, которые давали при благословении⁴¹ (Елеонская 1917: 41–42).

Как я попыталась показать, и морфология обряда благословения при проходах на армейскую службу, и его смысловые характеристики трансформировались на протяжении XX века. По данным современных полевых исследований, отражающим ситуацию 1940–70-х годов (в основном, 1950-х), благословение, во-первых, всегда бывает тайным и, во-вторых, его, как правило, дает мать. Материалы начала века дают иную картину: ритуал происходит в присутствии всех провожающих (то есть практически всей деревни) и благословляют родители, отец и мать.

Существенным в трансформации этого ритуала является его перемещение из публичной сферы в сферу приватную. Очевидно, тот факт, что благословение становится тайной, является знаком этого перемещения и — шире — знаком существенного изменения культурной ситуации в сельской России вообще. Причины деформации всего комплекса традиционных культурных практик обусловлены результатами проводившейся в 1920–30-е годы антирелигиозной политики советских властных структур. Целый ряд ритуалов перешел в разряд не одобряемых официальной общественным мнением культурных практик и в конце концов приобрел характеристики тайного, приватного знания.

Родительское благословение, обычай, церковное происхождение которого вообще-то неочевидно, в советское время тем не менее начинает расцениваться как «религиозное» действие. Религиозная жизнь, которая

не может репрезентироваться публично, переходит в частную сферу и становится почти исключительно областью компетенции женщины. Постепенное вытеснение отца из обряда родительского благословения объясняется, видимо, именно этим обстоятельством. Разумеется, это не означает, что отец совершенно исключается из обряда проводов в армию. Во время прощания или прощального застолья он говорит сыну напутственные слова, призывая его служить верно, не посрамить честь семьи и пр. Однако все апотропеические действия совершает мать, которая при этом выполняет ту же функцию, что и при лечении своего ребенка от детских болезней или от сглаза, то есть отвечает за его благополучие. Характерно, что ритуал благословения по современным данным может именоваться как «родительским», так и «материнским»:

Соб. *А вот когда в армию уходят [благословляют]?*

Инф. 1. *Это да. Это мать. Есть у вас матери? Вот мать... она... говорят: «материнское не в воды и в огне не горит, везде тебя спасет».*

Инф. 2. *Родительское благословенье на воде не тонет и в огне не горит.*

(ЕУ–хвойн–99; 34; МНВ — Инф. 1, ИНА — Инф. 2)

Список информантов

ААМ — Антонова Анна Маровна, 1913 г. р., ур. д. Першино; д. Митино Белозерского р-на Вологодской обл.

АРМ — Антипичева Роза Михайловна, 1933 г. р., ур. д. Великий Двор; д. Поповка Белозерского р-на Вологодской обл.

БАК — Баранова (Круглова) Александра Карповна, 1901 г. р., ур. д. Дедино; д. Овсище Сланцевского р-на Ленинградской обл.

БЕИ — Березина Евгения Ивановна, 1934 г. р.; д. Махново Хвойнинского р-на Новгородской обл.

ВЗЗ — Владимир, 1981 г. р., пос. Хвойная.

ГПИ — Глазова (Иванова) Пелагея Ивановна, 1914 г. р., ур. д. Велетово; д. Поречье Сланцевского р-на Ленинградской обл.

ЕТГ — Егорова (Алексеева) Татьяна Григорьевна, 1921 г. р.; д. Молодильно Хвойнинского р-на Новгородской обл.

ЁАА — Ёмичева Анна Андреевна, 1913 г. р.; д. Чертеж Вашинского р-на Вологодской обл.

ИАА — Иванов Анатолий Александрович, 1953 г. р., ур. д. Мелехово; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.

ИВЕ — Иванов Василий Егорович, 1930 г. р.; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.

ИВН — Иванова (Михайлова) Вера Николаевна, 1934 г. р., ур. д. Непогорелово; с. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл.

ИЕИ — Иванова Екатерина Ивановна, 1933 г. р.; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.

ИНА — Иванова (Алмазова) Нина Алексеевна, 1927 г. р., ур. д. Заполье Любытинского р-на; с. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл.

- КУН — Копылова Ульяна Никаноровна, 1907 г. р.; д. Задняя Слободка Вашингского р-на Вологодской обл.
- МГВ — Мухин Геннадий Васильевич, 1949 г. р., ур. д. Мякишево; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.
- МДО — Мочалова Дарья Осиповна, 1923 г. р., ур. д. Львово; с. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл.
- МНВ — Михайлова Надежда Васильевна, 1908 г. р., ур. д. Мелехово Мошенского р-на; с. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл.
- ПИФ — Полозов Иван Федорович, 1921 г. р.; д. Устье Белозерского р-на Вологодской обл.
- ПНВ — Павлов Николай Васильевич, 1930 г. р.; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.
- С25 — Саша, 1981 г. р., пос. Хвойная.
- СВН — Соловьев Василий Николаевич, 1930 г. р.; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.
- СВФ — Суворова Вера Федоровна, 1930 г. р.; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.
- ТАА — Тимофеева (Ефимова) Анна Андреевна, 1916 г. р., ур. д. Слатино; с. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл.
- ЧЛД — Чайкина Людмила Дмитриевна, 1930 г. р.; д. Кошелевичи Сланцевского р-на Ленинградской обл.

Примечания

¹The article is supported by grant RSS OSI HESP—1657/1999.

² Кроме того, в октябре 1999 г. автором статьи совместно с С. А. Штырковым были проведены специальные полевые исследования с целью выяснения отношения к армейской службе современной сельской молодежи. Было опрошено 36 юношей 1978—1981 г. р., проживающих в пос. Хвойная и в Хвойнинском р-не Новгородской обл. Результаты этих интервью также использованы в настоящей статье.

³Для носителей культуры традиция — это то, что было «в ранние времена». Ответ «мы не старинные» в качестве отказа на предложение побеседовать является экспликацией такого представления.

⁴Так, например, в Белозерском р-не Вологодской обл. и в Сланцевском р-не Ленинградской обл. рассказывают о том, что рекрут завивал специальный веночек на березе «для памяти», а в Вашкинском р-не Вологодской обл. мать или ближайшая старшая родственница новобранца украшала и прибиwała на внешний угол дома особую ветку.

⁵Современные полевые данные подтверждаются сделанными ранее этнографическими описаниями проводов в армию: каждое такое описание включает упоминание или же подробное изложение ритуала благословения (см. например: Юшков 1925: 29; Черных, Суханова 1998: 57).

⁶«Благословить» может также употребляться в значении «разрешить»; попросить благословения на что-то означает спросить разрешения.

⁷ Замечу, что благословение при отправлении на учебу актуально для современной крестьянской культуры. В жизненном сценарии современного молодого человека, проживающего в сельской местности (а также в поселке или небольшом городке), важным этапом является получение специальности, связанное с отъездом из дома на довольно продолжительный срок (год и более).

⁸ Например, в Северном Белозерье считают, что, прежде чем отправиться в путь, следует произнести определенную охранительную формулу, вроде следующей: «Мать Божья, Пресвятая Богородица, я в пути, а ты впереди, ангелы сбоку, Христос позади. Во веки веков. Аминь» (Полевой дневник автора 1997: КУН).

⁹ Здесь и далее при ссылке на материалы полевого архива факультета этнологии ЕУСПб последовательно указываются шифр фонда, номер фонограммы, инициалы информанта (их расшифровка с указанием возраста информанта и места записи приведена в конце статьи).

¹⁰ Для создания этого «фона» используются два способа: с одной стороны, обращаются к миру сакрального с просьбой о защите и тем самым вверяют благословляемому в ведение этого мира; с другой стороны, благословляемому сообщаются поведенческие нормы, соблюдение которых также обеспечит ему успешное возвращение («служи хорошо» и пр.). Эти способы могут пересекаться (например, в речи священника по поводу отправления новобранцев). Ср. слова информантки, которыми она благословляла своих сыновей: «Служи лучше, да храни Бог» (ЕУ—хвойн—98; 24; БЕИ)

¹¹ Следует оговориться, что в случае с благословением мы имеем дело чаще всего не с эксплицитными перформативами (то есть «Я благословляю»), а с имплицитными, или косвенными (термины Дж. Остина). Они различаются грамматически и лексически, но не по силе высказывания, то есть способности совершать словом действие (Остин 1986: 66–67).

¹² Записали от ААМ 16.07.97 Е. Арсенова и С. Жаворонок.

¹³ Формула проклятья здесь продублирована: *кыркун* — видимо, от *кыркнуть* — пропасть, сгинуть или утратиться (Даль 1999: 230).

¹⁴ Обычно жертвой материнского проклятия становится ребенок, которой еще *не вошел в ум*, то есть не является человеком в полной мере. Он принадлежит одновременно и миру «своего», и миру «чужого» и неспособен самостоятельно противостоять провокациям со стороны нечистой силы, которую своим проклятием призывает мать. В приведенном рассказе на сына действует материнское проклятье, поскольку он, так же как и ребенок, находится в некоем пограничном состоянии, которое соответствует его ритуальной роли.

¹⁵ Ср. концепцию нарративов, относимых к жанрам несказочной фольклорной прозы как диалога, изложенную в недавней статье С. А. Штыркова (Штырков 1998).

¹⁶ Сроки могут быть и другими, в зависимости от специфики региона, а также от исторической ситуации. Так, в дореволюционное время в тех районах, где были развиты отхожие промыслы, парни призывного возраста возвращались домой «за два-три месяца до призыва, чтобы “погулять” перед рекрутчи-

ной, и все это время проводят в “гульбе” с товарищами...» (Архив РЭМ. Тенишевский архив, фонд 7, № 1692. Смоленская губ., Юхновский у. 1900 г.).

¹⁷ Перед жеребьевкой священник служил молебен, во время которого произносились «поучения известного содержания: страшиться и избегать военной службы — грех, потому что набор есть дело, установленное самим Богом; военные силы необходимы и т. п.» (Нигровский 1890: 493). Такого рода проповеди читались также перед принятием присяги (оно происходило в том же населенном пункте, где и мероприятия по набору перед отправлением к месту службы) и собственно перед отправлением на службу. Примеры речей приходских священников к призываемым на военную службу и их родным во второй половине XIX в. публиковались в местных епархиальных ведомостях. Некоторые из них вошли в сборник проповедей «Избранные поучения на разные случаи» (Поучения 1890: № 106–112).

¹⁸ До этого в интервью речь шла о мальчишнике перед свадьбой.

¹⁹ Ср. современный день призывника с речами и подарками.

²⁰ О семантике денег в рекрутском обряде см.: Кормина 1999: 38–39.

²¹ Ср.: «всякий ритуал существует в густом [thick] контексте социальных обычаев, исторических практик и повседневной рутины, которые, наряду с уникальными факторами, работающими в какой-то конкретный момент во времени и пространстве, влияют на то, исполняется ли ритуальное действие и каким образом оно исполняется» (Bell 1997: 171).

²² Подробнее об этом см.: Кормина 1999.

²³ Номер дела; ТА — Тенишевский архив: Архив РЭМ, фонд № 7.

²⁴ Ср. также: «в тот момент, когда надо уже выходить из дому, все присутствующие встают, родители же берут икону и коровой хлеба и благословляют новобранца» (ТА: 277; Кадниковский у. Вологодской губ.).

²⁵ Записали от АРМ 27.07.98. Е. Мигунова и Н. Руднева.

²⁶ Поскольку БАК совсем не слышит, вопросы задавались в письменном виде; она внимательно читала записку и затем очень подробно отвечала на вопрос.

²⁷ Значительное количество (несколько сот) писем от родных солдатам, написанных в 1914–1916 гг., было собрано И. И. Ульяновым, архив которого хранится в Архиве Русского географического общества, фонд 85.

²⁸ Письмо направлено в 154-й пехотный запасной батальон, город Глазов Вятской губ.

²⁹ АРГО — Архив Русского географического общества.

³⁰ Такой же была и позиция церкви. Следует, кстати, отметить, что родительское благословение признавалось церковью так же, как и благословение пастыря: «великую силу имеет благословение родительское» (Беседы 1888: 6). В публикуемом в журнале «Пастырский собеседник» «Пособии для ведения пастырских внебогослужебных беседований с православным народом» даже был помещен материал для беседы на тему святости родительского благословения (Там же: 6–8).

³¹ Анализируя этнографические описания, необходимо помнить о том, что это авторские тексты и сам отбор этнографического материала, так же

как и его подача, определяется в какой-то мере личностью автора и его отношением к традиции. В частности, поскольку практически всегда такие описания составлялись как рассказ о некотором усредненном случае, то есть о том, как это происходит *обычно*, возникает вопрос о различении представлений автора о том, как нечто *должно* происходить, от того, как это *бывает* на самом деле. Надо сказать, что и нарративы, записанные от носителей традиции в устной беседе, позволяют судить лишь о представлениях рассказчиков, а не о действительном ходе событий. От проблемы авторских описаний эта ситуация отличается тем, что в ней исследователь имеет дело с представлениями носителей традиции о самой этой традиции, в то время как в первом случае он сталкивается с более или менее внешней рефлексией. Сельский священник или учитель, которые нередко становились этнографами-любителями, были отчасти включены в функционирование традиционной культуры, но всегда лишь отчасти.

³² Или в том случае, когда некому благословить (см: Черепанова 1996: 106–107; № 407).

³³ Информанты могут отказываться говорить о благословении, потому что считают его частью тайного, сакрального знания.

Соб. 1. *Как в деревне провожали в армию? Делали что-нибудь, чтобы парень вернулся, все хорошо было? Давали благословенье с собой?*

Инф. *Не знаю.*

Соб. 1. *То есть вы никогда в этих проводах не участвовали?*

Инф. *Ну как: собирались эть, провода были, вечеринка, пьянка.*

Соб. 1. *Ну а вот мама не давала ничего своему сыну там?*

Инф. *Ну, каждая по-своему.*

Соб. 1. *Ну, а что вы знаете про это?*

Инф. *Ничего не знаю.*

Соб. 2. *Вы в армии служили?*

Инф. *Служил.*

Соб. 2. *Ну, вам мама, наверное, что-нибудь давала?*

Инф. [капризным тоном] *Не скажу. Не скажу, и все. Ладно, не просите, не скажу все равно.*

Соб. 2. *Ну вы же все равно отслужили.*

Инф. *И все равно!*

(ЕУ–хвойн–99; 13; ИАА)

После долгих упрашиваний информант все же рассказал, как мать благословила его, когда провожала в армию. В конце беседы на вопрос о том, рассказывали ли друг другу в армии, кого как благословляли, он ответил отрицательно и пояснил: «В те времена да эть... разговор, дак быстренько загремишь под фанфары», дав тем самым еще одно объяснение «закрытости» этой информации.

³⁴ В Петрозаводске в настоящее время практикует в качестве «колдуньи» некая Надежда. Она помогает тем, кто имеет дело с «властями», в том числе и новобранцам, используя для этих целей сборник заклинаний Майкова в издании,

подготовленном А. К. Байбуриным (К. К. Логинов, устное сообщение). Здесь мы имеем дело с типичным явлением «вторичной фольклоризации»: Надежда воссоздает прагматическую часть заговоров, которой они были лишены при записи (то есть дает рекомендации, как правильно ими пользоваться: шептать на воду и т. д.), пользуясь научным изданием, как если бы это был аутентичный сборник заговоров.

³⁵ *Пистоном* на жаргоне воров-карманников в 1940-е гг. назывался маленький накладной карман в брюках, располагавшийся над основным карманом (Г. А. Левинтон, устное сообщение). Информант, употребив этот термин, тут же поправляется (видимо, полагая — и небезосновательно, — что его могут не понять), используя общеупотребительное слово.

³⁶ Ср. с аналогичным рассказом о том, как благословение, данное при отправлении на войну, спасало отца информантки на протяжении жизни: «Так вот отец у меня все войны прошел, и бабушка благословила боженькой... така... деревянна така. И ить он всю-ту войну. А ить потом вот тонул. Говорит, тонул — и спешня, и сапоги, и все ить... карабкался. Ить тоже спасся. И все войны прошел и остался жив». (ЕУ—хвойн—99; 31; ИВН).

³⁷ Ср. классификацию обрядовых кодов у Н. И. Толстого (Толстой 1981: 46).

³⁸ В октябре 1999 г. в пос. Хвойная Новгородской обл. во время призывной кампании призывник, явившийся на медицинскую комиссию, имел при себе в бумажнике аккуратно сложенный пояс с написанным на нем 90-м псалмом. Этот пояс и «бумажку» с молитвой св. Александру Невскому (очевидно, купленные в церковной лавке) дала ему мать и велела носить «при себе» (ЕУ—хвойн—99; 102; С25).

³⁹ Замечу, что православная церковь рекламировала 90-й псалом именно для использования в условиях армии. Так, во время русско-японской войны в «Пастырском собеседнике» появилась статья «Земные и небесные заступники в военном деле», где, в частности, говорилось: «Воинам нашим надо помнить, что наши славные полководцы — герой Шипки Радецкий, кавказец Петров, севастопольец Остен Сакен, участвовавшие во многих боях, оградив себя крестным знаменем и молитвою и читая 90-й псалом *“Живый в помощи всевышняго”*, ни разу не были ранены» (С. П. 1904: 86).

⁴⁰ То есть после произнесения собственно молитвы дается указание на то, для чего она была прочитана, — в данном случае для того, чтобы утихла гроза: «утиши, желанный».

⁴¹ По некоторым сведениям, солдаты во время службы читали «листки» («Мученик за Царя» и прочие), которые священник раздавал им при прощании. Священник Нигровский приводит выдержки из двух писем его прихожан, находящихся на военной службе «Листки, которые вы пожертвовали, — пишет ко мне новобранец, — читаю в утешение». Этому молодому человеку тяжело было привыкать к армейским условиям, он даже хотел покончить с собой, но чтение «листочков» помогло ему справиться с ситуацией (Нигровский 1890: 494, сноски). Со свойственным православной церкви конца XIX в. позитивистским пафосом священник Нигровский указывает на психотерапевтиче-

ский эффект, который дает чтение его «листочков»; он ни в коем случае не рассматривает их как охранительное средство.

Литература

- Аверинцев 1993: *Христианство*: Энциклопедический словарь / Ред. С. С. Аверинцев. М., 1993. Т. 1.
- Байбурин 1981: *Байбурин А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. Л., 1981. Т. 37.
- Беседы 1888: *Беседы* об основных истинах христианского вероучения и нравоучения. (Пособие при ведении пастырских внебогослужебных собеседований с православным народом) — 35: О благоговении Исааком детей своих // Пастырский собеседник. 1888. № 36–37.
- Даль 1999: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999. Т. 1.
- Елеонская 1917: *Елеонская Е.* К изучению заговора и колдовства в России. Шамординская пустынь. 1917.
- Кормина 1999: *Кормина Ж. В.* Рекрутская обрядность: ритуал и социальный контекст // Мифология и повседневность: Материалы науч. конф. СПб., 1999. Вып. 2.
- Кушкова [рукопись]: *Кушкова А. Н.* Рассказы о «проклянутых» и «сбранных» в Хвойнинском районе Новгородской области.
- Нигровский 1890: *Нигровский И.* (свящ.) Пастырские напутствования новобранцам // Пастырский собеседник. 1890. № 33–34.
- Н. Л-ов 1896: *Н. Л-ов* (свящ.) Поверья, приметы, предрассудки и заговоры русского простонародья Казанского уезда: (Из памятной книжки приходского священника) // Пастырский собеседник. 1896. № 28–29.
- Остин 1986: *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Поучения 1890: *Избранные* поучения на разные случаи. 4-е. изд. М., 1890.
- С.П. 1904: *С. П.* Земные и небесные заступники в военном деле // Пастырский собеседник. 1904. № 10–11.
- Толстой 1981: *Толстой Н. И.* Вербальный текст как ключ к семантике обряда // Структура текста—81: Тезисы симпозиума. М., 1981.
- Чарушин 1909: *Чарушин А. А.* Отбывание народом повинностей (Натуральная повинность) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 5–6.
- Черепанова 1996: *Мифологические* рассказы Русского севера / Сост. и коммент. О. А. Черепановой. СПб., 1996.
- Черных, Суханова 1998: *Черных А. В., Суханова М. Е.* Проводы солдата в Пермском Прикамье в конце XIX–XX вв. // Этнокультурное на-

- следие Вятско-Камского региона: проблемы, поиски, решения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию Д. К. Зеленина. Киров, 1998.
- Штырков 1998: *Штырков С. А.* Фольклорная сказочная проза: проблемы классификации и терминологии // Мифология и повседневность. СПб., 1998.
- Щапов 1906: *Щапов А. П.* Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия // Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1.
- Юшков 1925: *Юшков П. И.* Обычай проводов рекрута (Статья крестьянина с. Медянки, Уинского района) // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 11–12.
- Bell 1997: *Bell C.* Ritual: Perspectives and Dimensions. New York; Oxford, 1997.
- Geertz 1993: *Geertz C.* The Interpretation of Culture: Selected essays. Fontana Press, 1973.